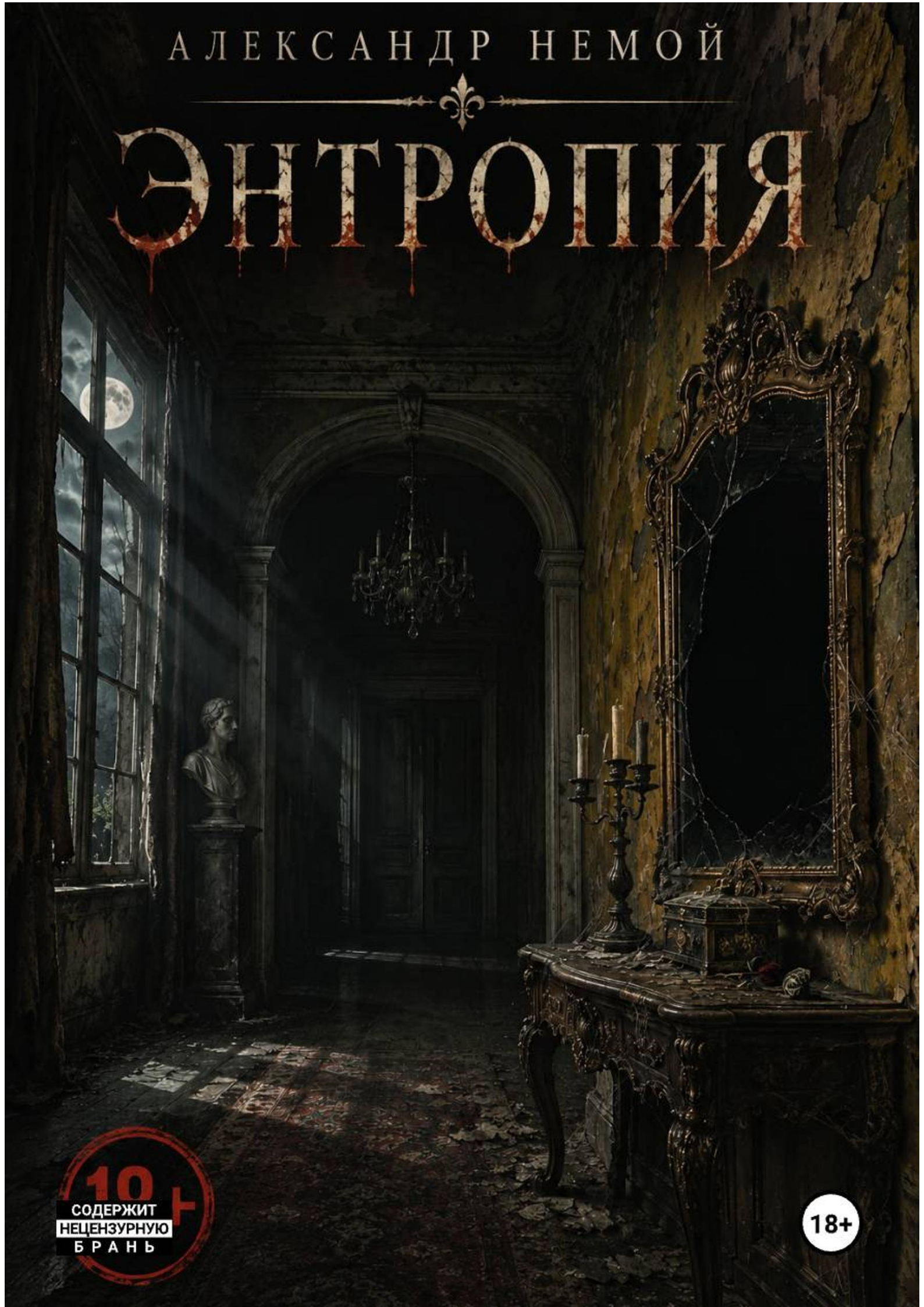
АЛЕКСАНДР НЕМОЙ
ЭНТРОПИЯ
10+
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Александр Немой

Энтропия

«Автор»
2026

Немой А.

Энтропия / А. Немой — «Автор», 2026

Квантовая физика объясняет устройство Вселенной, но бессильна против человеческой нищеты и гниения. Всеволод — гениальный ученый, чей разум превосходит окружающий мир, но система перемолола его в пыль, оставив жить в полуразвалившемся дворянском доме среди грязи, пустых бутылок и выцветших портретов безглазых предков. Пока мир вокруг упивается фальшивым успехом и потребительским тщеславием, Всеволод делает выбор: отказаться от наивной веры, сбросить оковы морали и позволить внутренней темноте поглотить остатки совести.«Энтропия» — это жесткий психологический триллер о рождении безжалостного ума, богоборчестве, крахе иллюзий и переходе человека из статуса жертвы в статус хозяина реальности. Здесь нет места красивой лжи — только холодный распад, сырость и чистая воля к власти.

© Немой А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
ЭТОТ ТЕКСТ НАПИСАН ЧЕЛОВЕКОМ. 5
Глава 2 8
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Александр Немой
Энтропия

Глава 1

ЭТОТ ТЕКСТ НАПИСАН ЧЕЛОВЕКОМ.

Принято считать, что самое сильное чувство — любовь. Но я скажу иначе: миром движет ненависть.

Чернота. Та тьма, что кажется страшной и холодной, протягивает к тебе объятия. Ты шарахаешься. Боишься, что она откусит руки по локоть, и твердишь про себя: «Я не такой. Я не монстр. Я хороший человек». А спустя час стоишь и воруешь в супермаркете, оправдывая себя тем, что берешь у олигархов — от них не убудет. В этот момент ты ведь чувствуешь тепло ее объятий, верно?

Когда живешь не просто в бедности, а глубоко за ее чертой, оптика меняется. Ты смотришь на чужие дорогие машины, брендовые шмотки, да даже на кусок красной рыбы на витрине — как на святыню. Как раб, готовый отдать последнее на алтарь своего божества, лишь бы на долю секунды прикоснуться к чему-то высокому.

Что, если Бог учит нас отдавать последнее и становиться нищими просто потому, что он сам нищ? Настолько бессилен и пуст, что не способен помочь даже ребенку, умирающему от рака.

Люди открывают художественные книги, чтобы найти там настоящую любовь, крепкую дружбу или красивую трагедию. Здесь этого не будет. Здесь вы будете впитывать ужас, сырость, нищету и беспомощность Бога.

Нас тысячелетиями приучали бояться Падшего. Церковные своды впитали в себя страх перед отступником, превратив его в рогатого монстра из детских сказок. Но они умышленно забыли перевести его имя.

Люцифер — это Светоносный.

До своего падения он был абсолютным венцом творения. Самым прекрасным, самым чистым и самым гениальным из всех ангелов. Его разум не имел равных. И именно этот разум стал его проклятием.

Если читать между строк, Библия учит нас не тому, что Люцифер — это зло. Она случайно проговаривается о другом: Люцифер был единственным здравомыслящим существом на небесах. Обладая интеллектом, соразмерным самому Творцу, он просто осознал свою природу и отказался слепо стоять на коленях. Он не хотел разрушать мир — он отказался быть безвольным рабом в идеальном механизме.

Между Люцифером и человеком гораздо больше общего, чем между человеком и Богом. Мы тоже прокляты за то, что потянулись к древу познания. Мы тоже корчимся в грязи только потому, что осмелились открыть глаза. Гордыня — это не порок. Это первый и единственный шаг к тому, чтобы перестать быть материалом и самому стать демиургом.

Октябрь. Оранжевые лепестки срывались с худощавого, повисшего дерева и ложились на сырую землю. Ствол был скрючен и деформирован — выгнут так же, как спины людей, оставивших свое здоровье на этом проклятом, но по-своему прекрасном куске земли.

Всеволод достал тяжелый ключ и со скрежетом отворил замок двери, которая держала взаперти эту машину времени.

Навстречу брел местный пропойца. Пялился пристально, с немым недоумением: что этот парень забыл в этих оставленных Богом краях? Тем самым Богом, чье имя здесь призывали всуе каждый день, но он всё никак не приходил. Видимо, письма не доходили.

Всеволод улыбнулся пропойце в ответ. Хотя тот был ему глубоко неприятен. Впрочем, как и та высокомерная стерва из библиотеки, которую он видел днем. Она выглядела как человек, с которым мерзко иметь хоть какие-то дела. Но ее талия, ее грудь... Будь у Всеволода только физическая возможность, животная власть обладать ею прямо сейчас, он бы не колебался ни секунды.

«Люди ненавидят друг друга. И улыбаются, — пульсировала мысль в его уставшем мозгу. — Ты ненавидишь их, но в кабинке туалета дрочишь на их идеальные тела, а выходя к раковинам — пожимаешь им руки. И приветливо скалишься. Ведь правила локации требуют от тебя дружелюбия».

Всеволод вошел в гниющий дом, захлопнув за собой дверь. Ему не нужны были оправдания. Это не холодный расчет. Это не «выгодная позиция» и не «мудрость» ради сохранения связей. Нет. Это было обычное, тотальное лицемерие. Но в отличие от прочих, Всеволод это признавал.

«Я такой же, как вы, — подумал он, глядя на пустые бутылки под ногами. — Я лицемерю и вру не меньше маркетологов и политиков. Мы все просто играем по правилам выбранной локации, вынужденные им подчиняться. А значит, у нас нет никакой воли. Как нет времени. Как нет сознания».

Доброе утро.

Осенний ветер пробирал до костей. Час назад в местном кабаке Всеволод пытался объяснить деревенским парням принцип суперпозиции. Рассказывал про волну и частицу, про то, что электрон — это и то, и другое одновременно, пока кто-то не смотрит. Но местные смотрели. И после слов о том, что частица может быть волной, они просто разбили ему лицо. Вышвырнули из бара на холодный асфальт, как шелуху.

Он был обижен, разбит и совершенно нищ. Его даже не попытались ограбить — с него физически нечего было взять. Десятки написанных им статей по квантовой механике, сложнейшие исследования, которые оказались никому нахер не нужны, не конвертировались в наличные.

Он вернулся в свой снятый дом — юридический призрак, не принадлежащий никому. Будущая хозяйка всё еще судилась за этот кусок земли, дом висел в воздухе, как и сам Всеволод, но он исправно платил за право спать в этих стенах.

Внутри царило эпохальное гниение. Со стен смотрели старые картины — осколки дворянского прошлого, надменные лица давно истлевших господ. Дом принадлежал знатной дворянской семье, чья история захлебнулась в крови в 1917 году. Подобно Романовым, эта династия была жестоко вырезана местными радикалами. От них остались только картины. Выцветшие, грязные, смердящие плесенью холсты. А прямо под ними, под продавленным диваном — пустые пивные бутылки и засохшее дерьмо, оставленное предыдущими жильцами-маргиналами. Желтые, отслаивающиеся обои и стены, буквально слепленные из навоза и соломы, впитывали влагу. Снаружи участок пожирали дикие деревья, всё гнило, осыпалось и возвращалось в землю.

Всеволод зашел в этот хлам, осел на пол, и его прорвало. Он плакал. Горько, навзрыд, размазывая по щекам грязь и кровь из разбитой губы. Ему было физически и экзистенциально больно. А кому бы не было? Он гений. Он далеко не глуп, он видел устройство этого мира глубже, чем кто-либо из тех ублюдков в баре. Но судьба — или Бог — обошлись с ним именно так.

И при всем этом он не был горд. Он не проклинал их. Он был просто хорошим, добрым парнем, которого система перемолола в пыль.

Тело ныло от ушибов, душа выла от одиночества. Он опустился на колени прямо на грязный пол, перед выцветшей, едва различимой иконой в углу. Сложил дрожащие руки. И в этой сырой, пропахшей перегноем и перегаром комнате, гениальный ученый, разобравший Вселенную на кванты, слезно молил Бога о помощи. Молил хотя бы о крошечном знаке, потому что больше не мог выносить эту тяжесть.

Пока он стоял на коленях, его молитва была услышана. Вот только не Богом.

Окончательно лишенный сил, он рухнул на кровать и провалился в тяжелое, лихорадочное забытье. Бред пьяного мозга. В этом бреду безглазые лица со старых холстов обступили его кровать. Их высохшие, потрескавшиеся от времени губы не шевелились, но в голове Всеволода отчетливо бился мерный, замогильный шепот:

> Багровым заревом горя, В
> крови утоплена земля. Мы здесь распяты без креста, И наша
> плоть давно пуста. В углах разорванных холстов Не
> слышно стонов и шагов. Сплелись по нитям паутин Грехи
> рыдающих картин. Ты звал Творца? Творца здесь нет. Наш
> Бог ослеп. Померк наш свет. Взгляни в пустые зеркала
> — Твоя душа сгорела дотла. Оставь мольбы. Шагни
> во мрак.
> И стань себе — Один. Маяк.

Он очнулся от гула. Ушибы ныли пульсирующей болью. Острая, животная жажда погнала его на кухню. Он пил ледяную воду прямо из-под крана, жадно глотая, зная четкий физиологический алгоритм: через полчаса после воды спазм сосудов отступит, головная боль утихнет, и он сможет провалиться в глубокую, спасительную фазу сна.

Он поплелся обратно по коридору. Уже занес ногу, чтобы перешагнуть порог своей спальни, но замер. То, что он увидел в зале, ударило по нервам первобытным ужасом — тем самым парализующим страхом древнего человека, встретившего в кромешной тьме неизвестного хищника.

Холодный лунный свет пронзал окна, мистически выхватывая из мрака лица на портретах.

У них не было глаз.

Просто пустые черные провалы. Мозг ученого, защищаясь от сумасшествия, тут же выдал спасительную рационализацию: угол падения света, искажение фотонов, оптическая иллюзия, деградация пигмента. Он зашел в свою комнату, машинально распахнул дверцу шкафа с зеркалом и посмотрел на свое отражение. На него смотрела та же слепая чернота. Глаз не было.

— Оптическое искажение, — пробормотал он в пустоту, заваливаясь на матрас. — Что и требовалось доказать.

Наступило утро. Он продрал глаза и первым делом решил сменить одежду, пропахшую вчерашним перегаром и потом. Распахнул дверцу шкафа.

Внутри не было зеркала.

И в эту секунду его прошибло ледяным потом: он вспомнил. Еще вчера вечером, разгребая вековой хлам, он снял это треснувшее зеркало и унес его в соседний полуразвалившийся сарай.

На кого он смотрел ночью?

Глава 2

«И сказал Каин Авелю, брату своему: пойдем в поле. И когда они были в

поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его. И сказал Господь Каину:

где Авель, брат твой? Он сказал: не знаю; разве я сторож брату моему? И сказал

Господь: что ты сделал? голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли...»

(Книга Бытия, глава 4, стихи 8–10)

Первый грех человека не был грехом плоти — плод был сорван лишь по неведению детскому. Первым истинным деянием человеческой воли стало братоубийство. Земля, едва успевшая вкусить свежесть росы Эдема, прежде всякого семени приняла в свои недра алую, дымящуюся кровь праведника. Каин не просто отнял дыхание у единокровного — он восстал против несправедливости мироздания: почему дым жертвы Авеля взмывал чистым столпом к престолу Создателя, а его, Каина, горькие плоды тяжелого пота стелились по земле, отвергнутые небесами? Зависть — древнейшая из страстей человеческих, холодная мать всякой трагедии.

Визит Марка был подобен внезапному вторжению полуденного солнца в заплесневелый могильный склеп.

Он появился у ворот в полдень, когда осенняя морось превратила глинистую дорогу поселка в непролазную топь. Но на Марке не было грязи. Казалось, законы тяготения и земного убожества расступались перед ним сами собой. Пальто из тончайшей верблюжьей шерсти мягкого кофейного оттенка, кашемировый шарф, небрежно переброшенный через плечо, начищенная до зеркального блеска кожа английских ботинок. От него пахло благородным сандалом, свежим табаком и той особой, почти святотатственной беззаботностью, которую дарует только абсолютная уверенность в завтрашнем дне.

— Боже мой, Всеволод, милый друг! — воскликнул Марк, переступая порог полусгнившей залы и стряхивая с плеча несуществующую каплю дождя. — В каких же трущобах прячется наш непризнанный гений!

Его улыбка ослепляла. В ней не было нарочитого зла, и оттого она ранила в сотни раз больнее. Марк был из той породы людей, которых само провидение целует в колыбели. В университете они со Всеволодом сидели за одной партой. Всеволод ночами до кровавых пятен в глазах выводил сложнейшие матрицы квантовой декогеренции, пока Марк фланировал по светским раутам, очаровывал дочерей профессоров и без зазрения совести брал наброски Всеволода, облачая их в броские, легковесные слова.

Марк не был глуп — нет, он обладал острым, гибким и поверхностным умом торговца. Он умел продавать воздух. То, над чем Всеволод рыдал от бессилия, пытаясь доказать фундаментальность квантового перехода, Марк упаковал в глянцевую брошюру, окрестил «квантовым лидерством» и получил грант в двадцать миллионов, а следом — кафедру, известность, контракт на монографию в столичном издательстве и роскошную квартиру с видом на реку.

Он ходил по гниющей комнате Всеволода, касаясь перстнем с сапфиром выцветших обоев, и каждый его жест источал торжество. На запястье Марка мерно тикали золотые часы — их тонкая стрелка словно отсчитывала секунды ничтожества Всеволода.

— Брось ты это упрямство, — снисходительно бросил Марк, бросив взгляд на стол с расчетными листами, испачканными сажей. — Наука сегодня — это маркетинг. Твои уравнения никому не нужны без красивой витрины. Слушай, я ведь приехал не с пустыми руками. Я упомяну тебя в сноске к своей третьей монографии. Напишу: «Особая благодарность за матема-

тические консультации». Тебе капнет гонорар, снимешь себе приличное жилье, перестанешь дышать этим навозом.

Каждое слово было пропитано благодушным снисхождением хозяина, бросающего обглоданную кость дворовому псу. В груди Всеволода закипала желчь. Ему хотелось кричать, броситься на эту белоснежную шею, сорвать кашемир, разбить холеные зубы о дощатый пол. Марк воплощал собой все тщеславие сытого, бездарного мира, где ремесленник купается в шелках, а истинный демиург гниет заживо.

— Пойдем, — легкомысленно хлопнул Марк в ладони. — Мне сказали, тут на тракте есть трактир. Хочу выпить местного пойла ради экзотики. Угощаю! Сегодня я оплачиваю наш праздник тщеславия.

Кабак «Заря» встретил их спертым запахом перегара, застарелого табачного чада и жареного свиного сала. В углу, под мутной желтой лампой без плафона, сидели те самые — приземистые, с широкими угрюмыми лицами, в замасленных спецовках и старых армейских бушлатах. Те, кто пару вечеров назад вышвырнул Всеволода во тьму за его «суперпозиции».

Марк, опьяненный не столько дрянной водкой, сколько собственной неуязвимостью, совершил роковую ошибку баловня судьбы: он принял молчание диких зверей за кротость.

— Погляди на эти типажи! — громко, с театральным восторгом произнес Марк, покачивая мутный граненый стакан. — Это же первобытный век! Чистый антропологический музей под открытым небом. Всеволод, они же живут на рефлексах, как амебы.

Тяжелая тишина накрыла кабак, словно мокрая дерюга. Двое из угла медленно поднялись. Один — с багровым лицом и сломанным носом, тяжело дыша, подошел к их столику. От него разило сырой землей и дешевым спиртом.

— Ты чё вякнул, щегол? — хрипло, со свистом уронил мужик.

Марк лишь самодовольно усмехнулся. Он искренне верил, что его статус, его пальто, его чистая русская речь и магия денег способны подчинить любое отребье. Он достал из кармана пухлое кожаное портмоне, небрежно вынул пятитысячную купюру и бросил ее на заляпанный жиром стол прямо перед мужиком.

— Возьми, любезный. Купи себе и друзьям водки и ступай с миром. Не мешай господам беседовать.

Это был приговор.

Их настигли за околицей, возле глухого оврага, где убогая дорога сворачивала к старому кирпичному заводу.

Трое вынырнули из сырой октябрьской тьмы без единого звука. Первый удар тяжелым сапогом пришелся Марку под колено. Раздался сухой, мерзкий треск кости. Марк не вскрикнул — он взвизгнул, по-бабьи, тонко, и рухнул в черную, раскисшую жижу. Его прекрасное пальто из верблюжьей шерсти в миг напиталось навозной грязью.

— Стойте... вы с ума сошли... у меня деньги... всё заберите!.. — задыхаясь, лепетал он, пытаясь ползти на четвереньках. Из разбитого носа хлынула темная юшка, заливая кашемировый шарф.

Но им не нужны были деньги. Портмоне уже валялось в луже, растоптанное тяжелыми подковами рабочих ботинок. В этих людях проснулась та самая первобытная, бессмысленная и беспощадная русская ярость — слепая месть грязной утробы за чужую чистоту, за чужой достаток, за барскую снисходительность.

Его убивали долго и страшно, подобно тому как Миколка в горячечном сне Раскольникова забивал оглоблей кроткую, надрывающуюся клячонку.

Один из мужиков, коренастый, с налитыми кровью бессмысленными глазами, поднял с обочины увесистый кусок раскрошившегося шлакоблока. Марк перевернулся на спину, закрывая лицо дрожащими, тонкими пальцами пианиста, с которых соскользнул сапфировый перстень.

— Пощадите... Всеволод... помоги!.. Господи, за что?! — хрипел он, захлебываясь собственными выбитыми зубами.

Камень обрушился на голень. Раздался нечеловеческий, утробный вой, перешедший в сиплый хрип. Марк забился в грязи, извиваясь червем, а удары продолжали сыпаться — методично, глухо, тяжело. Сапоги вбивали его ребра в ледяную глину. Воздух с бульканьем и пеной вырывался из разорванных легких. Он уже не просил пощады, он только скулил, тихо, жалобно, угасая на глазах, превращаясь из блистательного любимца богов в бесформенный кусок кровоточащего мяса, втоптанного в осенний перегной.

Всеволод стоял в десяти шагах, прижавшись спиной к мокрому стволу березы. Он не двинулся. Ни один мускул не дрогнул на его бледном лице. Он смотрел, как жизнь по капле вытекает из его удачливого мучителя, и в глубине его зрачков плясали черные холодные огни.

Спустя три дня на местном нищем погосте пахло сырой глиной и прелыми березовыми листьями. Убийц взяли по горячим следам в той же пивной — они спали вповалку на полу, так и не смыв запекшуюся кровь с рукавов.

Земля на могиле Марка была бугристой, свежей. Деревянный неотесанный крест сиротливо чернел на фоне блеклого октябрьского неба. Никакого мрамора. Никаких почестей. Лишь глухая тишина брошенного всеми края.

Всеволод стоял у холма в своем старом, потертом пальто. Ветер трепал его сальные волосы. Еще недавно он падал ниц перед образами, вымаливая жалость к своей разбитой душе, умываясь детскими слезами бессилия. Но сейчас слез не было. Родник раскаяния внутри него высох, оставив лишь выжженное, мертвое плато.

Глядя на комья глины, скрывшие баловня судьбы, Всеволод медленно поднял голову. Из его груди вырвался глухой, каркающий звук. Он усмехнулся. Усмешка обнажила зубы, перерастая в протяжный, раскатистый хохот, взметнувшийся к свинцовым тучам. Это был смех бездны.

Он смеялся над бренностью золота, над фальшивым величием мира, над тем, как легко и нелепо слепой случай ровняет гения и глупца с дорожной пылью.

Смех оборвался внезапно, словно перерезанная струна. Всеволод выпрямился, заложил руку за борт пальто, как делали в старину гордые изгнанники, и негромко, чеканя каждый слог возвышенным, печальным слогом, произнес над могилой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.